

нипочемъ. Не говоря уже о другихъ поэтахъ, довольно имѣть Пушкина и Лермонтова, чтобъ владѣть неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Возьмите любой стихъ изъ того или другого—и вотъ вамъ тема, на которую потянутся у васъ нескончаемыя варіаціи... Но варіировать такимъ образомъ на чужія чувства и мысли можетъ только человѣкъ возмужалый, разившійся; безбородый же юноша, тѣмъ болѣе отрокъ, никогда не сумѣетъ, не фальшивя, пѣть съ чужого голоса. Его стихъ будетъ неуклюжъ, а заимствованныя чувства и мысли онъ непременно исказитъ, изуродуетъ. И потому, если въ стихахъ слишкомъ молодого человѣка замѣтно что то въ родѣ оригинальности чувства и мысли,—явный знакъ, что у него есть талантъ. Даже его неумѣнье сладить съ непокорнымъ языкомъ, съ упрямымъ стихомъ—не только не портитъ дѣла, но еще придаетъ ему ту прелесть, которой такъ исполненъ несвязный лепетъ младенца.

Намъ показалось (и мы были бы рады, если бы послѣдствія доказали, что мы не ошиблись въ этомъ случаѣ), намъ показалось, что стихотворенія Штавера носятъ на себѣ всѣ признаки ранней молодости, при условіи которой въ нихъ нельзя не признать дарованія. Не беремъ опредѣлять степень этого дарованія, ни предсказывать границы его развитія, потому что неопредѣленность составляетъ главный характеръ слишкомъ юныхъ дарованій. Они могутъ развиваться—и могутъ исчезнуть, не давъ цвѣта. Въ нихъ не должно видѣть что-то непременно великое въ будущемъ. Стихотворенія Пушкина-ребенка были довольно плохи, и по нимъ трудно было бы въ то время признать въ немъ будущаго великаго поэта. Итакъ, говоря о стихотвореніяхъ Штавера, ограничимся настоящимъ, не забывая въ будущее; будемъ говорить о томъ, что есть, не говоря о томъ, что можетъ быть и можетъ не быть.

Всѣ стихотворенія Штавера довольно слабы, и если бы мы не предполагали ихъ автора очень молодымъ, не стоило бы труда и говорить о нихъ. Но что въ опытахъ возмужалаго человѣка поражаетъ слабостью таланта или просто посредственностью, которая хуже бездарности,—то самое въ опытахъ слишкомъ молодого человѣка можетъ быть признакомъ таланта неподдѣльнаго, но еще неовладѣвшаго собственной силой. Намъ кажется, что нельзя не видѣть этого, напримеръ, вотъ хоть въ пѣснѣ—«На Кладбищѣ». Въ этомъ стихотвореніи есть что-то похожее на поэтическое чувство, даже на поэтическую мысль; стихъ не чуждъ жизни, хотя и бѣденъ изяществомъ и точностью выраженія. И отъ всего этого вѣетъ чѣмъ-то мило-дѣтскимъ! Даже стихи:

Такъ ее не отгоняетъ
Мертвецовъ безстрастныхъ ледъ,—

даже эти стихъ, возбуждая въ читателѣ улыбку, не уничтожаютъ въ немъ благосклонной готовности одобрить пѣсу. Но самымъ характеристическимъ стихотвореніемъ въ книжкѣ Штавера надо признать «Желаніе».

Я не хочу, чтобъ всѣ меня любили,
Я не хочу вездѣ встрѣчать друзей.
Хочу, чтобы враги меня язвили
Безыслиной злобою своею!
Пусть встаютъ! Я каждый шагъ побѣдный
Готовъ своею кровію залить!
Пусть упалъ измученный и блѣдный,
Но только прежде побѣдить!
Пусть за моей побѣдой колесницей
Всегда слѣдитъ толпа враговъ моихъ:
Я понесусь подъ небо вольной пѣщей,—
И хоръ завистниковъ затихъ!
Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобы не замереть въ тиши.
Въ горнилахъ сталь сильнѣе закалится,
Въ страданьяхъ—грудь всю силу обрѣтетъ;
Вода чиста, доколь она струится,
Въ покоѣ—тиной зарастетъ.
Крѣпись, душа! Познай свое значенье,
Познай себя, познай свою всю мочь,
И ты поймешь, какъ сладостно мученье,
Когда есть сила превозмочь!
И скажешь ты: «за тѣмъ даны страданья,
Чтобъ согрѣвать остывшія сердца,
И назначенье жизни не мечтанье,
А дѣятельность мудреца.
Мечта,—ты скажешь, дѣтская забава,
Занятое мужа истиннаго—трудъ!
Не за мечты дается въ мірѣ слава,
Ее страданьями берутъ!»

Будь это стихотвореніе написано взрослымъ человѣкомъ,—оно было бы плохо въ эстетическомъ отношеніи, особенно въ отношеніи къ стиху, и было бы довольно пошлымъ фразерствомъ, исполненнымъ претензій и жалкаго самолюбія въ нравственномъ отношеніи. Но какъ стихотвореніе ошества, еще колеблющагося на переходѣ отъ отрочества къ юности,—оно очень замѣчательно. Въ стихѣ, которымъ оно написано, необработанномъ, невыдержанномъ, есть сила и размахъ; въ чувствѣ, которымъ оно согрѣто, есть жизнь и жаръ; въ мысли, которой оно проникнуто, есть достоинство и благородство, именно потому, что это—дѣтская мысль.

Вотъ что сказали бы мы Штаверу, если бы онъ захотѣлъ насъ послушать:

Жаль, любезный поэтъ, что вы поторопились издать въ свѣтъ книжку первыхъ своихъ опытовъ, безъ которой публика легко бы могла обойтись, и не подождали болѣе зрѣлыхъ своихъ произведеній, которыя для всѣхъ были бы интереснѣе. Но дѣло сдѣлано, и да проститъ васъ за него Богъ! Но впередъ не торопитесь ни писать, ни